

Ольга МИНСКАЯ

МОЛИТВА

I. НИНА

Ты знаешь, что я в тебя не верю. Заповеди не соблюдаю. Кашрут нарушаю и субботу тоже. Не пощусь в Судный день, не скромна, не послушна и всегда доступна мужчине, которого я люблю, — до, во время и после месячных. Но все-таки не ворую, не делаю гадостей, не завидую (ну, только иногда и совсем уже невинным вещам), не убиваю, не клевету и не желаю чужого благосостояния. Наверно, у меня нет никакого морального права на то, чтобы обратиться к тебе. Но все-таки... Один раз, когда совершенно потерянная я смогла внятно сформулировать свою просьбу — ты услышал меня. Я даже не знаю, как я решилась. Помню, что стояла около Стены Плача, а рядом печальные женщины, закрыв лица молитвенниками, раскачиваясь, что-то просили у тебя. И вот, увидев это отчаяние, я спросила — что же я могу попросить. У меня все есть. Есть два мальчика — не простых, с которыми трудно, с которыми иногда приходится воевать. Но они у меня есть. Они родились сразу, без того, чтобы пришлось долго и отчаянно их ждать. Они такие наивные и смешные. Такие ласковые, такие ручные. Разные, скандальные, любопытные, упрямые, нудные. Самые любимые. Мои. Есть муж. У многих его нет. Не пьет, не гуляет, умный, начитанный, не надутый, с ним не скучно. Может быть, меня любит, может, и нет, но это уже неважно. Мама моя жива и даже здорова, и я еще не осталась одна, первая перед смертью. А значит, мое экзистенциальное одиночество еще не пришло. Не страшно, что она больше меня не жалеет, обо мне не заботится и боли моей не замечает. Она еще жива. И я могу ее обнять и вспомнить, как пах снегом ее воротник из меха чернобурки, когда она приходила из зимы домой и приносила мне пироженку за 22 копейки. У нее были румяные и холодные щеки, и она обнимала и целовала меня и обещала, что все обязательно будет хорошо, а я ей верила и успокаивалась. У меня есть работа, которая дает мне немного денег и много свободы. У меня есть друзья, правда, они давно уже рассеяны по всему миру, но зато в каждом крупном городе мне есть с кем поужинать и выпить бокал вина. И я живу в стране постоянного солнца и лета, где рядом со мной море, где самый любимый город. Ну, не будешь же просить у Бога новую сумку? Или кольцо с бриллиантом, или новую машину. Счастье — слишком расплывчатое понятие. Я помню, что была счастлива в свой первый месяц в Израиле, радуясь старой съемной квартире, солнцу, морю, разношерстной толпе из разных стран, с которой я вместе учила иврит, и ожиданию настоящей жизни, которая должна была вот-вот наступить. А потом, через пару лет, счастье ушло. Все было, в общем-то, обыкновенно. И только радости от ожидания праздника больше не было никогда. И, положив руку на камень Стены, я решилась — пошли мне мужчину, которого я смогу полюбить. Я подумала, стоит ли что-нибудь уточнить. Но потом решила, что перед лицом Бога надо быть скромнее. И тогда еще раз, гораздо увереннее, попросила мужчину, которого я буду любить. Мы встретились через пять дней. Через неделю я поняла, что, вспоминая о нем, мне все время хочется улыбаться. А еще через неделю он не удержался и поцеловал меня.

И вот сегодня, спустя почти год после того, как ты послал мне его, я опять обращаюсь к тебе. Я знаю, что это нескромно, я знаю, что все желания не могут сбываться, что у многих других вообще ничего нет... Но вдруг ты случайно услышишь меня еще раз. Дай нам еще одну жизнь, которую мы сможем прожить вместе. Чтобы мы встретились снова, когда мне будет 15 лет. Чтобы он на мне сразу женился. Чтобы у нас было четыре сына. Он, наверно, будет мне изменять, но это неважно, я этого не замечу. Я буду каждое утро пить с ним кофе, следить, чтобы его рубашки были отлично выглажены. Каждую пятницу ужинать вместе с ним и придумывать развлечения на выходные. Он будет рассказывать мне, что было на встрече и что он ел на обед. По вечерам я буду ждать, когда он вернется домой, буду звонить ему в офис и ругать, что он совсем не отдыхает. А потом, совсем поздно, когда он войдет в дом, я увижу его серое уставшее лицо и буду целовать ему руки и спрашивать, голодный ли он. Он скажет, что все это потом, а сейчас он хочет несколько минут покоя. И спросит, как прошел наш день. Я расскажу, что говорили мальчики, какие оценки они получили в школе, какие замечания написали учителя. Что младший, которому шесть, собирается жениться на девочке из класса, которую он любит уже целый год, еще со времени садика, и, наверно, пришло время пригласить ее родителей на шабатный ужин. Что старший — ему двенадцать — пытался сделать бомбу в домашних условиях, руководствуясь инструкцией из интернета. Что не самый младший требует, чтобы ему купили его

личного хомяка, и тогда он будет ходить с ним в гости. И он его уже присмотрел в зоомагазине за углом. А не самый старший собрал команду, с которой они играли в ассасинов и не давали учительнице вести урок. И меня вызывают в школу. Что они скандалили и дрались друг с другом из-за того, какую передачу смотреть. А теперь они все уставшие, умытые и ненаглядные спят в своих комнатах. А он будет устало расстегивать верхние пуговицы рубашки, потом вытащит ее из брюк, нальет себе виски и скажет: «Посиди со мной». Я пристроюсь рядом на диване, положив голову ему на колени. Наша кошка будет сидеть напротив и караулить, когда я освобожу ей место. Через десять минут он попросит: «Покорми меня». И тогда кошка устроится на его нагретых мною коленях, громко заурчит и станет заглядывать ему в лицо. А потом он поужинает и примет душ и будет долго и нежно любить меня и говорить, как хорошо ему со мной. И каждый день, сдерживая слезы, я буду благодарить Бога, что он послал мне его. Десять, двадцать, тридцать, шестьдесят, семьдесят, девяносто лет подряд. Господи, если ты услышишь меня, то, пожалуйста, пошли нам еще одну жизнь, чтобы мы могли прожить ее вместе.

II. РУТИ

Я обещаю, что больше никогда ни о чем тебя не попрошу, что эта просьба — последняя. Ты же знаешь, что я умею держать слово. Наверно, мои молитвы не доходили до тебя. Наверно, есть другие, которым гораздо хуже, и поэтому ты не слышал меня все эти годы. Дай мне только один шанс. А со всем остальным я справлюсь сама. Я — сильная. Я могу выжить в этом жестоком мужском мире. Я могу работать двадцать часов в сутки и совсем не спать. Моя докторская диссертация победила на международном конкурсе лучших работ в области финансовой инженерии. Я управляю яхтой и самолетом. Мне даже денег не надо — папа и мама оставили нам достаточно, да и я сама очень прилично зарабатываю. Все, что в этом мире может зависеть от меня, — я сделаю сама. Но я хочу ребенка. Я буду держать его на руках столько, сколько он будет хотеть на них сидеть. Я буду подносить его к каждому растению и рассказывать, как оно называется и когда цветет. Мы заведем собаку и кошку, чтобы они тоже его любили. Вот уже десять лет я не могу забеременеть. Меня перестала интересовать карьера и общее признание. Я хочу, чтобы маленькое теплое существо было рядом со мной. Я хочу укутать его в свою нежность, я хочу отдать ему любовь, которая так и осталась невостребованной. Родители нас особо не любили — может быть, и любили, но так, что мы с сестрой не смогли этого заметить. Они были богатыми, красивыми, спортивными. Наши дедушки были партнерами в успешном строительном бизнесе. Наверно, они поженили родителей, чтобы не делить фирму. В доме часто были шумные приемы и их многочисленные деловые партнеры. Друг к другу папа и мама вообще никак не относились. Сначала были вежливые и отдаленные. А потом, в период финансовых кризисов, — уже совсем невежливые, орали и швыряли тарелки. Я даже не знаю, что их радовало. Может быть, каждый новый миллион? Нас растила няня, которая воспитала маму. Перед смертью она сказала, что не понимает, почему мама выросла эмоционально недоразвитой, а комментарии про папу она оставила при себе. И сказала, чтобы я немедленно родила ребенка. Но мне было 28 лет, и я собиралась на постдок в Штаты. Няня умерла, а я застряла на восемь лет в Америке. Было все — тоска, одиночество, ощущение бессмысленности собственного существования. В Израиль не хотелось — мысли о праздниках и семейных обедах навсегда избавили меня от ностальгии. Ко мне часто приезжала сестра, пока не познакомилась с Габриэлем и не вышла замуж за всю его шумную итальянскую семью. Теперь я навещаю их в Милане, ее три дочки прыгают вокруг меня, приносят мне утром завтрак в кровать, балуют меня, ласкаются и мечтают стать, когда вырастут, такими же успешными, как я. В Тель-Авив я вернулась только после папиной смерти, которая и швыряла у меня особого сожаления. Мама расслабилась и уже не придиралась ко мне с бесконечными требованиями. В ее представлении я не выжала из себя 100% и не использовала весь заложенный потенциал. В ее восприятии я всегда должна была похудеть на 5 килограмм... Когда я похудела на десять, она умудрилась этого не заметить и снова посоветовала мне сесть на диету. Но по сравнению с папой, это не было унижением. За два года до смерти она стала приглашать меня завтракать по пятницам. Мы обошли с ней все прибрежные рестораны. У нас были любимые места для каждого времени года. Она как-то расслабилась, а потом спросила, почему я не выхожу замуж. Я ответила, что наша семья навсегда лишила меня желания делить свою территорию/жизнь с кем-нибудь еще. Она спросила, не лесбиянка ли я. Нет. Я просто никого не люблю. Кроме сестры и ее девочек. Уже более деликатно мама поинтересовалась, планирую ли я детей. Я пообещала подумать об этом. А когда она умерла, я вдруг захотела ребенка. Маленького, беспомощного, своего. Я буду баловать его, куплю

ему самокат, буду играть с ним в кубики, буду навещать нашу итальянскую семью, которая затискает его и оглушит радостными возгласами. Но у меня не получилось. И тогда пришлось обратиться к врачам. Девять сеансов искусственного оплодотворения. Эмбрионы не приживались. Один раз я четыре недели была беременна, а потом он перестал развиваться. Я продолжала. Уколы, подсадки, уколы, подсадки, уколы. А потом медсестра Наташа сказала, чтобы я подумала об усыновлении. Проплакав всю ночь, с утра я засела за статистику. И поняла, что после 45 лет шанс забеременеть равен примерно нулю. Я по инерции еще продолжала, но уже ни на что не надеялась. Когда мне исполнилось 46 лет, я обратилась в фирму по усыновлению. И выяснилось, что надо долго ждать, а после пятидесяти лет мне не дадут никого усыновить. И только если я соглашусь взять ребенка с врожденными заболеваниями, от которого уже все отказались, то только тогда все может пойти чуть быстрее. И я поехала посмотреть на таких. В Хабаровском детском доме для детей с ограниченными возможностями мне показали двухлетнего мальчика. Он почти ничего не слышал и еще не ходил. И было непонятно, сможет ли он вообще когда-нибудь ходить. Увидев меня, он улыбнулся. Я протянула ему игрушку, но он взял мою руку. Наверно, ему понравился запах крема, потому что он долго нюхал мою руку, а потом прижался к ней щекой и затих. И сидел не двигаясь пару минут. Я тоже не двигалась. А потом подошла нянечка, обняла меня за плечи и сказала, чтобы я перестала плакать. И что, если у меня есть деньги на физиотерапию, слуховой аппарат, операции и необходимый уход, то с ним тоже все будет хорошо. У меня полно денег. У меня хватает на все. Наконец-то я с благодарностью подумала о родителях. Еще полгода я собирала различные справки и банковские документы. И каждый день боялась, что кто-то другой заберет моего мальчика. Потому что он еще маленький и может меня забыть. А я теперь никогда не забуду ощущение его гладкой щеки на моей руке. Я просила девочек из фирмы по усыновлению раз в неделю звонить в детский дом и спрашивать, как мой малыш. Он болел, прибавлял в весе, не ходил и начинал что-то невнятно лепетать. И его пока никто не брал. И вот завтра экспертная комиссия по международному усыновлению должна решить, можно ли мне доверить этого мальчика. Помогите мне. Они могут его мне не отдать — ведь я старая и одинокая, у меня нет мужа и нет родителей. У меня нет старших детей, которые могут позаботиться о нем, если я неожиданно умру. Они могут решить, что я не могу взять на себя ответственность за него и не подхожу для того, чтобы стать его мамой. Помогите мне, потому что если они завтра не отдадут его мне, я больше не смогу жить. Потому что он — моя любовь и моя надежда. Я уже не полюблю другого. Я куплю ему слуховой аппарат, и мы будем каждый день ходить на физиотерапию. Если я не смогу научить его ходить, то моя сестра построит у себя дома лифт, чтобы, когда мы с ним приезжали, он мог на кресле-каталке подниматься на второй этаж. Я все равно сделаю его жизнь лучше. Я не останусь жить в этом холоде и одиночестве, если завтра мне его не отдадут.

III. ИЛАНА

Мне страшно, что я хочу тебя об этом попросить. Мне страшно додумать это до конца и произнести. Но еще хуже смотреть на серое лицо мужа, на трубочки, через которые он теперь дышит и получает питание. На приборы, которые окружают его, на капельницы и лекарства — слышать свист аппаратов и дышать этим больничным воздухом. Хотя я привыкла дышать больничным воздухом, я уже двадцать лет им дышу. Я — врач. И только в палате, где лежит мой муж, этот воздух душит меня. Его родители с надеждой спрашивают, поправится ли он. К счастью — не меня, а его врача. Тот путает следы в обилии медицинских терминов. И они уходят домой, надеясь на лучшее. Но я — врач. И иллюзий у меня нет. Травмы, которые он получил, навсегда лишат его возможности двигаться и говорить. Я не знаю, будет ли он понимать, что с ним произошло. Никто не осмеливается рассказывать мне сказки о возможностях реабилитационной медицины. О том, что все так быстро развивается и, может быть, через пять лет изобретут нечто, что позволит ему двигать левым мизинцем. Я — врач, я все знаю сама. А еще, это все совершенно неважно, потому что когда-то давно он взял с меня слово, что я никогда не оставлю его в таком состоянии. Это было через три года после свадьбы, когда я была беременна вторым ребенком. Тогда вертолет его товарища, с которым они служили на одной базе, был подбит во время боевого вылета. Но она успела подобрать спасательная команда, но в больнице выяснилось, что он не сможет больше летать, ходить, сидеть, есть. Что он больше ничего не сможет сам. Каждый день его состояние становилось лучше и стабильнее. Видимо, он собирался остаться в живых. А потом неожиданно умер. Известие, что он умер, пришло к нам под утро, после ночи, когда мой муж и Асаф, их третий друг, почему-то поздно вернулись к нам домой и до утра просидели в саду. Они явно не хотели моей компании, но я и не настаивала

— наутро мне предстояла сложная операция, и я хотела выспаться. Перед тем как уйти спать, я обратила внимание на выражение лица моего мужа. Я не могу объяснить, что было не так. Они смотрели друг на друга и ничего не говорили. Наливали арака стопку за стопкой. И молча пили. А утром нам сообщили, что Ноам умер, и тогда Асаф обнял моего мужа и ушел. Муж попросил, чтобы я села напротив него, и потребовал, чтобы я поклялась ему жизнью детей, что если когда-нибудь он вернется с задания с травмами, несовместимыми с обыкновенной жизнью, то я не оставлю его в живых. Он подробно перечислил мне все, что ему важно делать в этой жизни самому. Он сказал, что знает про олимпиаду инвалидов, но это не для него. Он не хочет переложить это на Асафа, и я обязана ему это пообещать во имя нашей любви. Я спросила, что они делали с Асафом этой ночью. «Прощались с Ноамом, потому что знали, что он умрет». — «Так это вы?» — «А сейчас повтори все, что я должен всегда уметь делать сам. И пообещай мне. Даже не вздумай плакать. Если ты меня действительно любишь, ты это сделаешь для меня. Да и вообще, это со мной никогда не случится. Я просто на всякий случай». И я пообещала. Нам повезло, потому что он всегда возвращался целый и невредимый. И даже когда при посадке у него не вышло шасси, он благополучно катапультировался из вертолета. А потом они с Асафом демобилизовались. И страх этого обещания отпустил меня. У нас росли дети. Трое. У Асафа тоже. Они продолжали дружить, а значит, мы дружили семьями. Мы купили дом в деревне, и Асаф купил дом рядом с нами. Они открыли небольшую фирму, которая работала на оборонную промышленность. Фирма была успешной, заказы увеличивались каждый год. Все шло замечательно. На год я забывала о том разговоре. Но каждый год в годовщину смерти Ноама Асаф приходил к нам, и они сидели до утра, не разговаривая друг с другом. И тогда я вспоминала. А неделю назад случилась авария. Грузовик, ехавший по встречной полосе, потерял управление и смял машину моего мужа. Чтобы его вытащить, пришлось ее распилить на кусочки. Его привезли к нам в больницу и спросили, хочу ли я оперировать его сама. Нет, но я хотела присутствовать. Когда я увидела, что с ним стало, я начала молиться. Нет, я совершенно ни в кого не верю. И не знаю, кому я молюсь. Мужу. Боже мой, пожалуйста, умри сам. Я не хочу тебя убивать. Пришел Асаф и спросил, нужна ли мне помощь. Я помнила, что муж не хотел переложить это на него, и отказалась. Асаф сказал, что я всегда могу передумать. Он обещал моему мужу позаботиться обо мне. Потом помолчал и добавил: если мне от этого станет чуть легче, то его жена тоже ему поклялась, и мой муж пообещал ему позаботиться о ней. А когда-то они все это обещали Ноаму. Это была их круговая порука. Я сказала, что справлюсь сама. Я не могла предать мужа. И теперь, если он не умрет в течение этих суток, я должна буду его убить. Список всего, что он хочет делать в этой жизни сам, я помню наизусть, и он не оставляет мне надежды. Я привела детей попрощаться с ним. Я не сказала им, что это последний раз, когда они видят его живым. Они просто навестили его в больнице. Они думают, что он поправится. Он всегда поправлялся. Он всегда всего добивался. Он выполнял все обещания. Он был большой, веселый. Он любил ходить с нами в походы, мгновенно обживал места ночевки и готовил вкусную еду. Когда мы только познакомились, он пообещал, что нам никогда не будет скучно. Мы ходили в походы по Европе, а потом и в России. Когда подросли дети, мы начали сплавать по рекам. На следующий год мы собирались пойти на Камчатку — это где-то там в России со стороны Японии. И они с Асафом уже проложили маршрут. Они начали работать с Китаем и пошли учить китайский язык. И наши дети учили китайский. Он уговаривал меня родить четвертого ребенка, а я не могла решиться. А теперь я сижу у его кровати и умоляю его умереть самому. Я не хочу тебя убивать. Господи, умри сам. Пожалуйста, умри сегодня сам.

IV. НОА

Вот прошел еще один из череды бесконечных тоскливых дней моего замужества. Я, как приличная жена, приготовила ужин и жду запаздывающего мужа. Даже самой не верится, что ужин получился вкусный. Мы поженились всего полгода назад. И я не могу себе этого простить. Ведь я уже тогда знала, что мне не надо выходить за него замуж. Ну, не то чтобы знала, а просто не стала прислушиваться, не дала себе возможности произнести это вслух. Теперь я каждое утро себя спрашиваю: что ты хочешь, чтобы с тобой произошло. И каждый день я отвечаю себе: пусть мой муж оставит меня. Пусть он не придет сегодня с работы. Нет, я не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось. Я просто хочу, чтобы по дороге ему встретилась женщина, которая отвлекла бы его от обсессивной любви ко мне. Зачем я это сделала? Он мне так во всем подходил, у него замечательные родители, прекрасная работа, легкий характер, и он был в меня наивно влюблен. А я пыталась пережить человека, который много лет меня не любил. Не любил, но оставался рядом со мной. Пять лет назад, решив доказать всему миру, что любовь побеждает все, я переехала к нему жить. Приспособилась к его привычкам,

приручила его собаку и начала надеяться, что наступит день, когда он скажет, что любит меня. А день все не наступал и не наступал. Он жил со мной так же, как раньше жил без меня. Уходил с приятелями по четвергам в пабы, неожиданно улетал на выходные в Европу. Мог позвонить мне из Эйлата и сказать, что они поехали на Синай и он вернется через неделю. А мог даже и не позвонить. И когда я через пару недель, совершенно распухшая от слез, открывала ему дверь, он просто проходил в квартиру, бросая мне, что он снова здесь. А потом добавлял, чтобы я не устраивала сцен, потому что иначе жить он не может. А я не могла так. Но и без него я не могла. А потом, когда он снова куда-то пропал и я даже не знала, в Израиле он или нет, я встретила своего будущего мужа. Который сразу стал мне звонить по многу раз в день. Дарить цветы, водить в кино. Через три дня я познакомилась с его чудесными родителями, через неделю я знала его близких друзей. И мы ходили по ночам купаться на море и ездили в Иерусалим пообедать в армянском ресторанчике в старом городе. И мне казалось, что мои раны перестали кровоточить. Через два месяца он сделал мне предложение, и я согласилась. Я забрала свои вещи из квартиры и положила ключ в почтовый ящик. Даже записки не написала. Мне было интересно, заметил ли он, что я ушла. А потом, когда дата нашей свадьбы неумолимо приближалась, как разрушительное цунами к берегам Таиланда, я случайно наткнулась на него. Он сказал, что уважает мое решение, что ему очень жаль, потому что за эти годы я стала частью его жизни. Но главное, чтобы я была счастлива. И попросил передать поздравления моему будущему мужу. Три дня перед свадьбой я пролежала в кровати, не рискуя все отменить. А потом я поменяла фамилию и начала обустраивать дом. И началась тоска. Сначала я перестала учиться, а потом заболела. Я болела так долго, что решила уволиться с работы. Я больше не хотела есть, и у меня не было сил ходить в спортивный зал. Мой муж был счастлив. Он возвращался домой полный энергии и планов. Каждую неделю мы ходили в кино, театры, на концерты. Ужинали с его родителями и выходили с друзьями. И только мой папа спросил, не стоит ли мне развестись прямо сейчас, пока у нас нет детей. Я ответила, что люблю его и быстро ушла. И вот уже неделю я умоляю бога, чтобы мой муж встретил женщину, в которую влюбится с первого взгляда. Которая будет умнее, красивее, добрее, лучше, чем я. И чтобы она сразу с ним переспала. И чтобы он ушел к ней без колебаний. Каждый вечер, когда он должен вернуться с работы, я смотрю на движение часовой стрелки, и если он запаздывает на несколько минут, безумная надежда, что именно сейчас он встретил ее, поднимается у меня в животе, как гигантская волна. А когда он вставляет ключ в дверной замок, волна разбивается на тысячи мелких кусочков. Я натягиваю улыбку и подаю ему ужин. А потом мы куда-нибудь идем. Я не хочу причинить ему боль. Господи, пусть он встретит женщину. Он умный, красивый, ласковый — но я люблю другого. Люблю безнадежно и уже ничего от этой любви не жду. Но я хочу просто остаться одна со своей тоской. Пережить несчастье, которое со мной приключилось. Может быть, потом, через двадцать лет, я перестану чувствовать вообще. Я пойду волонтером помогать брошенным собакам. Потому что собаки, как я, продолжают любить тех, кто их бросил. Отказываются от еды и молча лежат, с надеждой глядя, что вот сейчас за ними придет тот, кто их просто выбросил из своей жизни. Я только с ними и могу разговаривать. Я чешу их за ухом и глажу по пузу и говорю, что кто-то другой обязательно за ними придет. И у них снова будет семья, где их будут любить, вкусно кормить и играть. И так же, как они, надеюсь, что и за мной придет тот, кто меня так и не полюбил. Но каждый вечер приходит мой муж. И постепенно глаза у него становятся такими же, как у собак в приюте. И я больше не могу это видеть. Потому что я тоже закрыла свою дверь перед ним и оставила его навсегда снаружи. Пусть за ним тоже придут. Какая-нибудь женщина, которая сначала будет с ним играть, вкусно его кормить, согревать по ночам и постепенно приручит его. И тогда он забудет меня и не будет страдать. И я перестану себя ежеминутно винить за ту слабость, которая позволила мне выйти за него замуж. Потому что каждый день я приговариваю себя к высшей мере наказания за трусость и подлость. Потому что я это все знала. Потому что «трусость — самый страшный порок». Но пока он еще в дороге, пусть он встретит другую. Пусть это будет яркая, сильная любовь с первого взгляда. Пусть она захватит его и лишит разума, потому что только тогда он сможет переступить через свое чувство долга и уйти от меня. Пусть он будет счастлив. Больше всего я хочу, чтобы он стал счастливым и когда-нибудь смог простить меня. Господи, пусть он уйдет от меня в новую прекрасную любовь, где потом родятся дети и принесут ему счастье.

V. ДАНА

Мне стыдно просить, да, в общем, и не о чем. У меня все есть. А то, чего нет сейчас, — уже было. Как сказала моя подружка про нашу одноклассницу, которая недавно выходила замуж, — сейчас ее время любить, выходить замуж и рожать детей. У нас

это уже было. Только прошло. Я десять лет назад вышла замуж за того, кого любила, которого сама выбрала. Я училась на факультете лингвистики, потому что это было мне интересно. Нашла работу, которая мне нравилась, с которой я себя прекрасно чувствовала в обществе умных и образованных. Я родила двоих детей, работала, ездила в командировки и отпуска. Мы купили дом и завели собаку. А потом что-то произошло, и все перестало меня радовать. Я даже не могу вспомнить, когда это произошло. И что было первым, к чему я потеряла чувствительность. Работа? Может быть, когда родились дети — это стало гораздо менее важно. Все время хотелось спать. Утром, когда приходила няня, мне хотелось снова залезть в кровать. И лежать там еще часа два-три. Но я никогда не пропускала работу. Даже больная, я всегда приходила. У меня внутренний счетчик, который никогда ничего мне не спускает. Я не могу просто не встать утром. Я не могу позволить плохому настроению одержать надо мной победу. Я каждое утро бегаю в парке и вожу собаку на дрессировку. Покупаю органические продукты и слежу, чтобы дети ели сбалансированную пищу. У меня все всегда точно по плану. И я не отступаю. Это как каждый раз попадать в десятку. Но однажды, когда я вообще не спала ночь, я позвонила на работу и сказала, что сегодня не приду. И мир не перевернулся, и фирма моя не закрылась. А я три дня лежала в кровати. И спала, спала, спала. А когда пришла в офис, то поняла, что все это меня уже не возбуждает. Потом перестали что-либо значить хорошие рестораны и гостиницы. Модные тусовки, стильные вещи и дорогая обувь. Машины, украшения, сумки, духи... вообще все. Конечно, приходилось продолжать оплачивать счета, и я по-прежнему приходила в офис, чтобы деньги в начале месяца поступали на счет. Все реже попадались книги, которые бы мне хотелось заново перечитывать, и фильмы, которые я была бы готова смотреть еще и еще. Карьера тоже стала менее важна. Когда у мужа появилась другая женщина, я предпочла это не заметить. Мне даже больно не было. Как-то случайно я обратила внимание на его долгий телефонный разговор, а потом на то, что он стал поздно возвращаться домой и очень мало рассказывать о том, что произошло с ним за прошедший день, и главное, стал пахнуть чужими духами. Каким-то противным сладко-огуречным запахом. Я удержалась от лишних комментариев. Мне было непонятно, что я должна в этой ситуации предпринять, и я решила ее проигнорировать. Дети иногда радовали, когда мне удавалось выспаться. Но они были еще маленькие и требовали такое количество внимания, которое я не могла им дать. Как ни странно, я получила повышение на работе. Муж по-прежнему оставался со мной, может быть, он даже и не собирался от нас уходить. У меня было ощущение, что в своей жизни я потеряла какую-то главную сюжетную нить, которая связывала все, что со мной происходило. Я не знаю, как жить дальше. Где моя новая главная цель. Где находится радость. Да, вот оно — я потеряла радость. Я еще помню, когда счастье поднималось во мне и мне казалось, что я могу все. И хотелось улыбаться прохожим и танцевать на улице. Прошло. Это прошло. И мне жалко, что больше я не испытываю этого беспричинного счастья. Этой детской радости. Муж думает, что у меня депрессия и что мне пора обратиться к врачу. Но я точно знаю, что со мной все в порядке. Просто ушла радость. Зато я стала спокойнее, точнее. Не расплескиваю свои эмоции, не прошу внимания, не отдаю тепло. Я теперь просто проводник всего, что происходит рядом со мной. Ничего своего я не могу привнести во вселенную. Могу только пропускать, не окрашивая в какой-либо цвет. Когда мы собираемся с подругами, раз в месяц, как уже много лет после армии, мне больше нечего им рассказать. Они влюбляются, ругают мужей, страдают от их измен — а у меня все ровно. Они плачут, мучаются, худеют, покупают новые вещи, разводятся — а я все та же. Как заношенные домашние тапочки, которые трудно выбросить. Мне даже уже не очень интересны их разговоры, потому что они ходят по кругу и все повторяется. Я точно знаю, что если сегодня Орит познакомилась с молодым человеком, через месяц она будет в него страшно влюблена, еще через месяц — будет ругать и страдать, а потом — плакать о том, что оказался подонком и больше ей не звонит. И это происходит последние 17 лет. И не вызывает у меня сочувствия. Наверно, я тоже не вызываю ни у кого сочувствия. Я его и не прошу. Потому что у меня все хорошо. Дети, муж, работа, машина, дом... Все на месте. Только нет радости. Поэтому, если вдруг ты меня услышишь или спросишь, что мне подарить на сорокалетие, — подари мне радость. Хотя бы еще один раз. Самую маленькую и нелепую. Ну, например, чтобы я рано утром стояла на мосту через шоссе Аялон, смотрела на непрерывный поток машин, вдыхала гарь, чтобы солнце слепило мне глаза и чтобы начинающийся день казался многообещающей вереницей удивительных встреч и событий. Чтобы мне захотелось танцевать, чтобы какой-нибудь водитель грузовика просигналил мне и сказал, что я классная. А я бы улыбнулась ему в ответ и пожелала прекрасного дня. Подари мне, пожалуйста, пять минут радости, а то я уже совсем забыла, что это такое.